

Тревор Зара

ВЫЗОВЫ

SFIDI

Trevor Zahra

Тревор Зара

Вызовы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50541046

Вызовы / Тревор Зара . : Художественная литература; Москва; 2018

ISBN 978-5-280-03830-1

Аннотация

Повесть «Вызовы» была удостоена национальной литературной премии в категории «лучшая книга для подростков» 2005 года. В основе сюжета – «подвиги» компании мальтийских тинейджеров, которыми они решили себя занять во время длинных и монотонных летних каникул. Каждый из них старается придумать так называемый «вызов», и по жребию определяется, кому предстоит рисковать, выполняя его. Но эта, казалось бы, невинная игра внезапно принимает непредвиденный оборот и перерастает в нечто опасное, порой на грани нарушения закона, становясь настоящей проверкой морально-нравственных качеств их личностей. Бросая «вызовы» своим страхам и комплексам, каждый из подростков повзрослел и получил свой жизненный урок. История, рассказанная писателем, заставляет задуматься о непреходящих человеческих ценностях, являющихся общими для народов всего мира, поэтому русский читатель в этих мальтийских подростках может узнать и себя. Вся литература по своей сути о каждом из нас, а литературный

перевод – это тот мостик между культурами, который объединяет, подтверждая их общность, несмотря на различия национального характера.

Содержание

Благодарности от автора и переводчика	7
Дорогой читатель!	9
I	12
2	14
3	16
4	17
5	20
6	22
7	25
8	28
9	29
10	31
11	34
12	37
13	39
14	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тревор Зара

Вызовы

*Посвящается
ВИКТОРУ ФЕНЕКУ,
поэту, писателю и искреннему другу*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Почетного представителя Торгово-Промышленной палаты Российской Федерации в Республике Мальта Анастасии Будыхо

Initiative supported by

Перевод Яны Псайла

© Тревор Зара. 2005

© Перевод Яна Псайла. 2018

Благодарности от автора и переводчика

Выражаем благодарность Чрезвычайному и Полномочному Послу Российской Федерации в Республике Мальта В.А. Малыгину, который стал первым читателем повести «Вызовы» на русском языке и внес свои ценные предложения, позволившие повысить качество перевода для лучшего восприятия текста российскими любителями иностранной художественной литературы. Увидевшая свет книга явилась знаковым событием в сфере российско-мальтийских отношений в 2018 году, когда столица Мальты Валлетта носит почётный титул культурной столицы Европы.

Наши благодарности директору Российского центра науки и культуры в Республике Мальта А.М. Муравьеву, оказавшему значительную помощь в презентации рукописи перевода произведения, и Почётному представителю Торгово-промышленной палаты Российской Федерации в Республике Мальта А.В. Будыхо, выступившей спонсором русского издания книги.

Важно отметить роль национального Совета искусств Мальты (Arts Council Malta), возглавляемого исполнительным председателем Альбертом Маршаллом (Albert Marshall), обеспечившем грантовую поддержку перевода

произведения на русский язык.

Мальта,

***Тревор Зара,** писатель*

***Яна Псайла,** переводчик*

Май 2018

Дорогой читатель!

У вас в руках книга писателя Тревор Зары из маленького, но сыгравшего известную роль в истории России островного средиземноморского государства-Мальты. Тревор Зара заслуживает звания современного классика мальтийской литературы. Он родился на Мальте в 1947 году. Был художником и в течение 33 лет учителем в школе. Пишет только на мальтийском языке, хотя в стране широко распространен и английский. Свои первые рассказы он опубликовал в 1971 году. С тех пор издано более 100 его произведений, включая стихи, повести и романы, иллюстрированные им самим. Произведения разных жанров: фэнтези, приключения, детская литература, исторический роман и других. Его работы неоднократно отмечены национальными литературными премиями, а сам Тревор Зара имеет государственные награды, в том числе, орден «За службу Республике» в знак признания вклада писателя в детскую и юношескую литературу. Его лёгкий стиль письма, полный юмора и образного мышления, его рисунки, которые прекрасно дополняют тексты, сделали Зару самым популярным автором книг для молодёжи на Мальте.

Это уже второе произведение, переведенное на русский язык с мальтийского. Первая книга, уже знакомая российскому читателю, – роман «Тайная жизнь бабушки Женовеф-

фы», удостоенный национальной премии в 2008 году, относится к литературе для взрослых.

Повесть «Вызовы» была также удостоена национальной литературной премии в категории «лучшая книга для подростков» 2005 года. В основе сюжета — «подвиги» компании мальтийских тинейджеров, которыми они решили себя занять во время длинных и монотонных летних каникул. Каждый из них старается придумать так называемый «вызов», и по жребии определяется, кому предстоит рисковать, выполняя его. Но эта, казалось бы, невинная игра внезапно принимает непредвиденный оборот и перерастает в нечто опасное, порой на грани нарушения закона, становясь настоящей проверкой морально-нравственных качеств их личностей. Бросая «вызовы» своим страхам и комплексам, каждый из подростков повзрослел и получил свой жизненный урок. История, рассказанная писателем, заставляет задуматься о непреходящих человеческих ценностях, являющихся общими для народов всего мира, поэтому русский читатель в этих мальтийских подростках может узнать и себя. Вся литература по своей сути о каждом из нас, а литературный перевод — это тот мостик между культурами, который объединяет, подтверждая их общность, несмотря на различия национально-го характера.

Мальта, Флориана
Яна Пайла,

переводчик, лингвист, член Академии мальтийского языка

Май 2018

I

Как только Марио открыл входную дверь, чтобы, как обычно, сходить за газетой, то заметил маленький пакет в почтовом ящике. На какой-то момент он приостановился и принялся его рассматривать. Он знал, что почту никогда не разносили до одиннадцати. Было очевидно, что кто-то положил его либо рано утром, либо ночью. Он засунул руку в ящик и потянул за край пакета. Но едва луч света, заходящий через приоткрытую дверь, упал на этот пакет, Марио почувствовал, как его сердце замерло...

* * *

Несмотря на то, что мисс Антония Гатт вот уже шесть лет, как ушла на пенсию из школы, у неё осталась привычка приходить на мессу в семь утра. Переступая порог церкви, она тут же бегом направлялась к купели со святой водой, чтобы, о чем постоянно твердила в прошлом своим ученикам, Бог простил все её недостатки и помог ей в день, который она только начинала. Но когда в этот раз она стояла со склоненной головой, а с её лба стекала освежающая вода, мисс Антония Гатт заметила маленький пакет возле ножек купели. Наверняка он у кого-то выпал. Она неспешно наклонилась и

протянула руку, чтобы его поднять. Но стоило ей поднести пакет к глазам, мисс Гатт оцепенела...

* * *

Фредди Бургер разразился канонадой ругательств, используя все, которые только знал. Он поздно проснулся, вышел, не успев выпить чашку кофе, не зашёл к Рэю купить газету, как сумасшедший побежал на остановку, но всё равно не успел на семичасовой автобус. И вот он нетерпеливо мечется туда-сюда по стеклянной остановке, словно фрустрированная рыба в пустом аквариуме. И вдруг под скамейкой этой остановки он заметил маленький пакет. Быстро оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что его никто не видит, и, наклонившись со скоростью молнии, поднял его и засунул во внутренний карман жилетки. Оказывается, не только молитвы посылают благодать. Но также и ругань!

В тот день Глена переполняло нетерпение. Обычно раньше девяти утра он не вставал. Всегда говорил, что это было самым большим удовольствием каникул: никакой будильник не сотрясает прикроватную тумбочку и барабанные перепонки, никакого чая, выпитого в спешке, никаких гонок, чтобы успеть на школьный автобус. На протяжении всех летних каникул будильник был выключен, а Глена охватывало радостное чувство при звуке захлопывающейся двери, когда его отец уходил на работу, так как он хорошо знал, что ему оставалось ещё два часа сна. Но в тот день Глен встал раньше отца.

– Как, уже встал? Что, отправляешься куда-то на весь день?

Глен привык не обращать внимания на вопросы отца. Он научился его игнорировать, либо отвечать определёнными звуками, типа «mmm!..» или «эхххх!», и даже сам не знал, что они должны означать. Да и его отец тоже привык не ожидать никакого ответа.

– Я пошёл. Еда в холодильнике. Веди себя хорошо!

Как обычно, отец ушёл на работу. И, как обычно, Глен остался один.

Но в тот день его это ничуть не огорчило. Он набросил на себя футболку и джинсы, схватил пачку сигарет и вышел.

Ещё не знал, чем займётся. Ему хотелось оказаться в десяти местах сразу. Хотел встретиться с Куртом и Селиной и уже было вытащил сотовый, чтобы послать им СМС, но передумал. Нет, сейчас лучше немного побыть одному, смакуя успех своей авантюры. Он почувствовал гордость за себя. И это ещё было мелочью. Это было только началом.

Мэр зашёл в полицейский участок с красным лицом. Сержант Спитери вскочил из-за стола и, не дав ему рта раскрыть, оттаптал:

– Мы уже всё знаем и начали расследование. Будьте спокойны!

– Знаешь, когда я успокоюсь?! – взорвался мэр. – Когда мне станет известно, кто этот трус, который кидается грязью и прячет руку. Ты же понимаешь, что подобные вещи могут мне очень навредить в преддверии выборов? Правильно мне жена говорит: этот неблагодарный народ...

И тут мэр ударился в свою любимую литанию. Напомнил, сколько километров дорог он покрыл асфальтом и сколько тротуаров украсил кирпичными пазлами. Также сказал про новую детскую площадку, которую открыл, библиотеку, которую он вырвал из рук школы, чтобы передать её под крыло местного совета, мусорные контейнеры на каждом углу, компьютерные курсы для пенсионеров!.. И сержант Спитери всякий раз хвалил его в ответ и успокаивал, что виновник вот-вот будет пойман. В конце концов мэр выговорился и вышел, размахивая руками, а сержант глубоко вдохнул. Но тут же вынужден был выдохнуть, так как мэр снова вернулся. Он забыл напомнить про улицы, покрытые керамикой, и пальмы возле киоска.

С тех пор как местный совет отремонтировал площадь за церковью и насадил лес из пальм, киоск превратился в оазис. К семи часам вечера там начинала собираться вся местная молодёжь. Кто-то в надежде познакомиться с девушкой, кто-то – похвастаться новым сотовым, который только что купил, кто-то – чтобы объесться картошкой фри с колбой, а несколько ботаников – потрепаться о результатах выпускных экзаменов, дату объявления которых никто не знал.

Глен откинулся на пластиковый стул, а вытянутые ноги положил на стоящий впереди. Из кармана джинсов вытащил пачку сигарет, зажёг одну из них и стал украдкой оглядываться по сторонам. Когда около трёх месяцев назад его отец впервые унюхал запах сигарет, то попытался прочитать ему нотацию. Глен не стал прерывать его бубнеж, но, когда понял, что тот не успокоится, встал и вышел из комнаты. Но, прежде чем исчезнуть, повернулся к отцу и сказал:

– Не вмешивайся. Лучше посмотри на себя, чем ты занимаешься!

Курт и Селина вскоре появились из-за пальм. Потом пришёл Дастин, и где-то через полчаса появилась Катя, как всегда, самая последняя. Они привыкли каждый вечер там встречаться до того, как отправиться в Центр, хотя в последнее время, пожалуй, стали предпочитать площадь под откры-

тым небом духоте Центра брата Тони.

– Слышали про деньги? – начал Курт, как только они расселись на стульях. И тут все принялись говорить одновременно:

– Мисс Гатт нашла пакет в церкви!

– Рэй, продавец газет, нашёл ещё один в стопке с «Таймс»!

– А знаешь, что даже мэр нашёл пакет в почтовом ящике?

– Даже Марио с площади!

– И Фредди Бургер... – поднялся Курт. – Слышали, что он сделал? Как только нашёл пакет, не стал его рассматривать, а сунул в карман и уехал на работу. В перерыве позвал друзей и сказал: «Все в столовую! Сегодня халявное пиво, плачу я». Но, как только вытащил пакет денег, которые нашёл, понял, что они все были из газет, а десять лир сверху и снизу были фальшивыми... и все с лицом мэра!

– Удивительно, насколько мэр вышел из себя. Говорят, он хотел в это дело вмешать Интерпол.

– А мисс Гатт так опозорилась перед священником! По своей наивности пошла передать ему деньги, думала, что их кто-то потерял. Мама сказала, что священник сразу догадался, что это была шутка, и сказал, чтобы она отдала деньги Рите-Монсеньёру, той, которая постоянно крутится в церкви, как ризничий. Священник очень смеялся, а мисс Гатт была готова провалиться сквозь землю.

Курт и Дастин, Селина и Катя захлеб рассказывали друг другу о том, что слышали про дюжину пакетов с фальши-

выми банкнотами по десять лир, которые в то утро нашли одиннадцать человек, и о том, как кто-то сильно негодовал, кто-то безумно обрадовался, кто-то вынужден был оплатить много пива друзьям, а кто-то, как священник, от всей души посмеялся.

Глен очень терпеливо их слушал и смотрел вверх на сигаретный дым, не произнося ни слова.

– Папа говорит, что это, скорее всего, дело рук Кармэну Шиклуны, – сказала Селина. – Все знают, что они с мэром не выносят друг друга.

– Не факт, – вмешалась Катя. – Может, это всего-навсего чья-то шутка.

– Немного злая шутка, – добавил Дастин. – Я думаю, это был, скорее всего, как бы подкол мэру, чтобы напомнить о его трате денег на всякую ерунду.

В конце концов все заметили, что Глен до сих пор не раскрыл рта, и уставились на него. Глен улыбнулся, опустил ноги со стоявшего перед ним стула, бросил на пол окурок и, потягиваясь, сказал:

– Хотите немного пройтись до Белой Башни? По дороге я вам расскажу историю!

В первые годы после смерти матери Глен постоянно ходил к бабушке. Сейчас же он стал её навещать по настроению. Частенько в конце концов она ему сама звонила, чтобы узнать, как у него дела, и когда он слышал в телефонной трубке её голос, то чувствовал себя виноватым. Хотя ей вот-вот должно было исполниться семьдесят лет, у неё до сих пор было персиковое лицо без морщин, такое же, как у его матери, которое он запомнил: те же светло-карие глаза и та же округлость нижней губы, когда улыбается. В первые годы жизни Глен больше времени проводил с ней, чем с отцом. И, может быть, если бы он тогда не был шестилетним мальчиком, то решил бы лучше жить с ней, нежели с убийцей. Так бабушка обозвала его отца в день похорон: «Убийца! Ты её свёл в гроб, бедная девочка!» Хотя уже и прошло восемь лет, бабушкины слова до сих пор звучат у него в ушах. И сейчас он окончательно понял, насколько она была права. Теперь отец прикидывается святым и не упускает ни одного случая, чтобы не попытаться показать всему миру, что изменил свою жизнь. Но уже ничего не вернуть. Никакие перемены не воскресят усопших. Он всё ещё хорошо помнит испуганный взгляд матери, когда она ждала возвращения отца с очередной гулянки, скандалы, осколки стаканов и чашек. А под занавес действия отца рвало в ванной, а мать рыдала

на постели.

В день похорон отец попытался себя оправдать. Попытался напомнить бабушке, что её дочь умерла от рака кишечника и что его поведение ничего не могло изменить. Но бабушка выгнала его за порог и, плача, прокричала: «А лекарство, которое ты ей предложил, – это ночи, проведённые вне дома, когда ты купался в виски и проматывал свои и своего сына деньги!»

Когда в те годы бабушка сажала его на колени и прижимала к себе, то начинала медленно укачивать и давать наставления, чтобы он не пошёл по стопам отца, убийцы его матери, преступника, который отправил её дочь на тот свет в тридцать три года. Сейчас, когда он видит своего отца поникшим, с уже согбенной спиной и всегда молчаливым, то Глен порой начинает сомневаться, не были ли те прошлые скандалы всего-навсего страшным сном. Не может такого быть, что этот тихий мужчина, всегда в одиночестве мастерирующий макеты кораблей в комнатке на крыше, и есть тот самый убийца, о котором говорит бабушка. Но потом на него наваливаются воспоминания, и его сердце вновь черствеет. Он поклялся вести войну с отцом и будет верен этой клятве до конца. Как только ему исполнится восемнадцать лет, он соберёт вещи и уйдёт. Начнёт работать, где-нибудь снимет жильё, хоть на краю света, но уйдёт. И если ему будет не хватать денег, то переедет жить к бабушке.

Вскоре перед ребятами появилась Белая Башня, молчаливо стоявшая на голой скале, одиноко грезившая о галерах и галеонах, не замечая моторных лодок и виндсёрфов, скользящих по морю напротив. Как только они до неё дошли, Глен резко остановился, засунул руки в карманы, повернул к друзьям голову и сказал тихим голосом:

– Те пакеты с фальшивыми деньгами... их сделал я! Остальные четверо встали как вкопанные. Поначалу решили, что он шутит, но, когда увидели его серьёзный взгляд, прикованный к земле, откуда он пытался выковырять камушек носком ботинка, то сразу поняли, что Глен не шутил. Потом Катя нарушила тишину:

– С чего вдруг? Зачем ты устроил весь этот переполох?

Обычно Глен нечасто улыбался. Постоянно прищуривал глаза, словно от солнца. И губы его всегда были сжаты. Но от вопроса Кати на его лице промелькнула тень улыбки. Он разлёгся на скалистой земле и тихим голосом произнёс:

– Да так! Без всякой определённой цели. Хотел приколоться над этой противной деревней. Думал, может, удастся пробудить её от глубокой спячки, в которую она впала. И у меня получилось! Слыхали, все только и делают, что говорят об этом? Мэр, мисс Гатт, Фредди Бургер и все остальные. Каждый старается найти скрытый мотив. Но у них это

не получится. Потому что никакого мотива нет. Никому и в голову не придет, что кто-то проделает такую работу просто так, ради развлечения!

Остальные четверо уселись рядом с ним на скале. Они знали, что Глен самый смелый из них, его никогда и ничто не волнует, он никогда ничем не заморачивается, всегда спокоен и уверен во всём, что говорит и делает. И никто из них даже и не догадывался, что Глен способен на такое.

– Ты рисковал, – вдруг сказала Селина. – Тебя же мог кто-нибудь увидеть!

Но предыдущие слова Кати словно дали ему новый заряд энергии. Глен повернулся на бок и с горящими глазами принялся им рассказывать, как отсканировал банкноту в десять лир, как отсканировал лицо мэра с журнала, который местный совет рассылает по домам. Как потом с помощью графического редактора соединил их и наштамповал своим принтером двадцать четыре купюры. И что во время всех этих действий он предусмотрительно использовал резиновые перчатки, чтобы не оставить никаких отпечатков пальцев. Он продолжил им объяснять, как с большим терпением нарезал газетные листочки размером с банкноту в десять лир, разложил их по пакетам и вышел разнести эти пакеты рано утром, когда было ещё темно.

Глаза Селины заблестели пуще прежнего. Она всегда восхищалась Гленом. Его голос, походка, пронизательный взгляд, полные, но пропорциональные губы, широкие плечи

— всё это зажигало в её сердце огонь. Даже та маленькая серёжка в его правом ухе, которая на других юношах может выглядеть вульгарно, на Глене смотрелась прилично и к месту.

— Конечно, рисковал, — подытожил Глен. — В этом-то и есть весь смысл. В риске. Ничто не даёт большего удовлетворения, чем риск!

Комната на крыше была построена как прачечная, но Франс переделал её в мастерскую. У него там был механический лобзик и длинный верстак, заваленный кусками фанеры, клубками хлопковых ниток, пилками, пинцетами и тонкими операционными лезвиями. Там Франс забывал всё на свете. Судьба свела его с господином Антоном Мускатом, который пробудил в нём любовь к созданию моделей кораблей. Франс стал образцовым учеником, и вскоре эта любовь переросла в страстное увлечение. В этой комнатке наверху Франс проводил долгие часы, нарезая тонкие полоски из дерева, отмеряя, моделируя, клея и с большим терпением и осторожностью формируя шпангоуты и футоксы, которые потихоньку превращались в каркас нового судна. Эта комнатка на крыше не только трансформировалась из прачечной в мастерскую, но также стала гаванью, где стояла на якоре шебека¹ «Святой Дух», две бригантины, еще одно парусное судно и военный корабль, к которым вскоре должен был присоединиться галеон «Святая Анна». Франс несколько месяцев рылся в книгах, ходил по музеям, фотографировал и набрасывал чертежи, надеялся, что «Святая Анна» станет его шедевром. От господина Антона он узнал, что серьёзная мо-

¹ Шебека – парусно-гребное вооружённое судно

дель — это не та, которая вырезается из сплошного куска дерева или же формируется слой за слоем из цельной древесины. Модель первоклассного качества должна строиться также, как и большие суда. «Святую Анну» он хотел смастерить до мельчайших деталей, отобразить все пушки, полную тросовую оснастку и даже статуэтки на носу судна, включая Святого Джузеппе, который находится в церкви Рабата.

Там, наверху, Франс пытался занять себя и забыться. Образно выражаясь, последние восемь лет он провёл в одиночестве между небом и землёй, с опущенными парусами и полупущенным флагом на мачте, колышущимся на северо-западном ветру, не зная, куда направляется. Свою жену он заставил идти в открытое море по тонкой доске с завязанными за спиной руками и булыжником на шее. Он видел, как она опускалась на дно с широко раскрытыми глазами. И когда она пропала в тёмных морских водорослях, он продолжал повторять, что это не его вина. А теперь он и сына потерял. Уже заметил, как тот забрался на судно и поднял паруса. С первым же бризом его сын уплывёт. Ну что он мог поделать? Только смотреть с причала, не в состоянии произнести ни слова.

В душе Франса теплился единственный проблеск. С тех пор, как в его жизни появилась женщина с короткими волосами, он почувствовал, что там постепенно разгорается огонек. Она знала всё его прошлое и была готова это принять. Она была спокойная и умиротворённая и могла залечить все

его раны минувших дней.

Но между ними стоял его сын.

Когда Фредди Бургер снова был на остановке, ожидая автобуса, его взгляд машинально упал на место под скамейкой и он опять ударился в ругань. Ну, ничего. Он этого так не оставит. С ним шутки плохи, и если кто-то подумал, что он всё это сглотнёт, то ошибся. Поклялся, что не сегодня завтра он точно узнает, кто ему это устроил. По-любому. Жалко, что тот пакет он выбросил в мусорное ведро в столовой. И как только он вспомнил о столовой, его лицо побагровело.

«Блин!» – мысленно выругался он. Вместо Фредди Бурге-ра друзья его уже стали называть Фредди Пиво.

Центр привлекал отнюдь не бильярдным столом «полного размера» и даже не баром, в котором всё было, и не регулярно проводившимися различными мероприятиями. Дело было в самом брате Тони. Это был молодой священник, увлечённый «Ювентусом» и «Формулой-1», с коротко остриженными волосами, почти ёжиком, выкуривавший всего три сигареты в день, с его слов! Он всегда был в джинсах и свитере, которые снимал только тогда, когда проводил службу (хотя Катя как-то сказала, что заметила у него край джинсов из-под рясы). Его «Фиат Пунто» помыл только агент в день покупки, а на заднем сиденье, рядом с книгами брата Пауэлла и «Католическим Вестником» были разбросаны компакт-диски «Ю ту» и «Моби». В футболе он любил играть в защите и, хотя и не был звездой, обладал очень хорошей выносливостью. В волейболе с ним тоже было трудно тягаться.

А потом, и встречи, которые он им устраивал, были действительно необычными. Никто не мог решить, были ли это образовательные встречи или же театр одного актера от начала и до конца. Брат Тони мог бы легко сделать карьеру эстрадного артиста разговорного жанра. Его речи были настоящим развлечением. Но наряду с этим он обладал удивительным умением посреди всех этих шуток периодически вставлять небольшие комментарии, которые пробирали изнутри.

Его друзья-священники кривили губы, и однажды пробежал слух, что он был вызван к епископу из-за какой-то своей чрезмерно смелой шутки.

Но каждый признавал, даже против своей воли, что брат Тони был идиолом молодёжи. В том числе и Глена.

Селина взяла сотовый и нашла номер Кати.

– Кать, ты где? Что делаешь? Хочешь зайти ко мне? Да нет, ничего. Хотела с тобой немного поговорить. Хорошо. Давай, жду тебя. Да, и возьми с собой Скотча.

Селина никогда никого не заводила в свою комнату. Но Катя была самой лучшей подругой. Её она не стеснялась. Пятнадцать минут спустя они уже сидели на постели с жужжащим во всю мощь вентилятором над ними, двумя стаканами ледяной воды в руках и Скотчем, лающим на веранде на соседскую кошку.

– Прямо не знаю... – протянула Катя. – Я всю ночь провела в раздумьях...

– Я тоже, – сказала Селина.

– Не думаю, что мне хватит смелости, как Глену!

– Да, это правда! – снова заговорила Селина. – Но не забывай, что мы всегда настаиваем, что ничуть не уступаем парням. Мы способны делать всё то, что делают они. Так почему же нам не должно хватать смелости, как им?

Селина заметила, что, когда она произносила эти слова, Катя внимательно изучала рисунки на стенах. Если бы вместо Кати была какая-нибудь другая подруга, её лицо точно бы покраснелось, как тлеющий уголь. Не дай бог, если бы их увидел Глен. Эти рисунки Дональда Дака, Гуффи и Минни

Мауса стояли у неё костью поперёк горла. Правда, что она была на шесть дюймов ниже всех своих друзей. Правда, что Катя уже сто лет носила бюстгальтер 32 Б, а она же до сих пор была как десятилетний мальчик. Но месячные у неё пришли четыре года назад. Она не была больше девочкой. Уже сдала три выпускных экзамена и ожидает результатов. На следующий год она будет в девятом классе. Но её мать уж чересчур гордилась теми шедеврами, которые нарисовала на стенах комнаты Селины, когда ей было пять лет. Она до сих пор заводит гостей показать «Сикстинскую капеллу» Да и отец не лучше. Когда в субботу или воскресенье приезжает за ней на машине, то ведёт её на какой-нибудь дурацкий фильм или покупает ей свитер с Винни Пухом. Никто так и не осознал, что ей уже исполнилось четырнадцать. Она частенько пыталась им намекнуть, но не решалась поговорить напрямую. После развода мать с отцом словно соревновались, кто избалуёт её больше: кто купит самую крупную мягкую игрушку или топик с тюльпанами и бабочками. А она, всё ещё хорошо помня все прошлые скандалы и проблемы, не могла оправиться.

Её отец незамедлительно построил новую жизнь. Быстро нашёл себе подругу и через несколько месяцев стал с ней жить. Они выглядели довольными. Но с её матерью было всё по-другому. Она постоянно, словно сумасшедшая, бегала из дома на работу, с работы в супермаркет, из супермаркета домой готовить, мыть пол, гладить одежду, всегда не переводя

дыхания, будто нарочно, чтобы не было времени опомниться. Единственной её отдушиной была молитвенная группа. Она говорила, что там забывала всё на свете. Но однажды Селина услышала, как она разговаривала с тётёй Агнессой по телефону. Она сказала, что жизнь в одиночестве незаметно её разрушает. Конечно, каждый пытается её подбодрить, мол, может, она ещё повстречает того, кто будет её любить и поможет начать всё с чистого листа. Даже в молитвенной группе ей говорили то же самое. Но она утратила веру в любовь. Её муж тоже когда-то её любил... как она думала. А сейчас впереди была только пустота.

Когда Селина всё это вспоминает, то чувствует, что она, скорее всего, должна подчиниться и со всем смириться. Может, она была излишне предусмотрительной. Или слишком умной. Или чрезмерно наивной.

Она соскочила с кровати и пристально взглянула на подругу.

– Катя, Глену я скажу окей.

Накануне пятеро друзей встретились в Центре. Когда прибыл Глен, Курт и Катя играли в бильярд. Селина сидела и тыкала пальцем по клавиатуре сотового. Брат Тони играл в настольный теннис с Ли – Шоколадным Пирогом. Энджи, Шантель, Аннализ, прижавшись друг к другу лбами, перелистывали в углу журнал «Sugar». Дастин держал телевизионный пульт и переключал каналы. Глен принялся кружить вокруг бильярдного стола, провожая взглядом катящиеся шары и лихорадочно поглядывая на часы. Как только Селина его заметила, тут же вскочила со своего места и подошла к нему.

– Окей, Глен? Всё в порядке?

– Хммм... – ответил он, не отрывая глаз от шаров.

Словно он её и не слышал. Продолжил нетерпеливо шагать с прикованным к шарам взглядом, казалось, что он следил за ходом игры с глубоким интересом. Но его мысли были очень далеко. Когда последний шар исчез в лузе, Глен схватил Селину за руку, кивком головы подозвал остальных и сказал:

– Всё, пошли. Хочу с вами поговорить!

Брат Тони прервал игру и повернулся к ним.

– Уже уходите? А я хотел вам предложить сыграть в парную!

– Пойдём подышим свежим воздухом, – ответил Глен.

– И правильно, – сказал брат Тони. – Ая продолжу забивать этому растяпе.

– Это мы ещё посмотрим, кто кому забьёт, – ответил Шоколадный Пирог, похлопывая ракеткой по левой руке. – Давай, какой у нас там счёт?

– Девять – три! – ответил брат Тони.

Глен с друзьями направились к киоску, заказали колу с картошкой фри и уселись под пальмами. Но Глен больше не тратил время на пустые разговоры.

– У меня идея, – сказал он им, закулив сигарету и украдкой оглянувшись по сторонам. – А что, если мы будем бросать обществу вызов, что-то вроде того моего маневра с пакетами денег?!

Катя поперхнулась колой.

– Это как? – спросила она его.

– Вот смотри, летние каникулы мы проводим в безделье. Спим, ходим купаться, приходим сюда, как кучка стариков, иногда идём в Центр... сплошная рутина. Нам нужна небольшая встряска. Что-то такое, что наполнит наши вены адреналином. Начнём выкидывать злые шутки над жителями деревни, что-нибудь, требующее смелости при выполнении, и заставим всех удивляться и ломать голову. Всё секретно. Ну, что скажете?

– Мне нравится! – тут же, не раздумывая, сказал Курт. – Я готов спланировать шутку намного круче твоей!

– А вы что скажете? – повернулся Глен к оставшимся трем.
им.

Но остальные трое так и не успели ничего сказать, потому что за ними неожиданно появился Шоколадный Пирог, одной рукой толкая горный велосипед, а в другой держа бутылку газировки!

– Сегодня ни одной не выиграл, – сказал он, пододвигая пластиковый стул и садясь рядом. – Брат Тони сегодня был в форме. Что пьёте? Колу? Не, для меня она слишком сладкая. Пробовали “Горький лимон”? Классная штука! Когда пойдём купаться под Башней? Прикупил тут себе клевые очки и ласты. Последнее время увлёкся плаванием под водой и на прошлой неделе поймал вот такого осьминога! Офигенный! Любите осьминогов? Слушайте, какого чёрта вы такие притихшие? Как пять статуй!

Ли Шоколадный Пирог был пакистанским или индийским парнем. На самом деле, никто толком и не знал. Он до сих пор учился в седьмом классе, потому что остался на второй год, но был очень высоким. Приятели в Центре, а также одноклассники его дразнили, потому что он был пакистанцем (или ещё там кем) и усыновлённым. Но Ли Шоколадный Пирог, словно никогда и не обижался. Всегда смеялся, оголяя два передних зуба, которые тоже были будь здоров, и продолжал шутить вместе с ними.

– О чём вы говорили, пока я не пришёл? – спросил он. –

По-моему, я слышал, как Курт упомянул какую-то злую шутку. Однажды мой отец знаешь что сделал дяде, когда они были маленькими?

– Мы говорили о том, что пристают тут всякие зануды! – оборвал его Курт.

– Ага, значит вы говорили о Дастине, ха, ха, ха! – И два передних зуба выглянули посмотреть, что происходит.

Глен поднялся.

– Пошли! – сказал он.

И Ли Шоколадный Пирог остался один с “Горьким лимоном”, горным велосипедом и пятью пустыми стульями.

Соседский кот убежал, а Скотч ушёл с веранды и примостился у ног Кати.

– Глену и всем остальным хочу показать, что, хотя я и девушка, ну ты понимаешь, у меня нет фигуры Дженифер Лопес, но зато я им докажу, что обладаю смелостью не хуже их всех.

Катя поставила пустой стакан на прикроватную тумбочку, села на корточки и стала ласкать Скотча. Голова у нее шла кругом. А если они попадутся? Её старшие сёстры так начнут изгаляться над ней, «ботанкой»! И больше всех Шарлин. Она не могла и шага ступить, чтобы та к ней постоянно не придиралась по всяким пустякам. Катя очень ждала, чтобы Элисон вышла замуж и её бы терпел Джейсон. Так по крайней мере она бы избавилась от одной из них, потому что и у Элисон тоже были свои недостатки. Она очень походила на Шарлин в подколах, встреванию не в свои дела, изощрённых придирах, которые не прекращались, пока она не увидит закипающие на глазах Кати слёзы. Единственным прибежищем была её комната, хотя и очень маленькая, скорее подходящая для кладовки. Но зато там она могла спрятаться от их колкого языка. Она переставала обращать внимание на их пустозвонство и пыталась войти в свой тайный мир. Но это удавалось далеко не всегда. У Шарлин была привычка

внезапно к ней заходить то за ручкой, то за конвертом. Однажды она её застала за записями в дневнике. Вырвала его из рук и побежала искать Элисон.

– Смотри, что тут есть, Элисон. Нашёлся «Дневник Анны Франк».

Затем, голосом старого проповедника, стала читать:

«Дорогой дневник, я желаю, чтобы ты со мной разговаривал так же, как и я с тобой, каждый день. Со мной никто не общается. Никто не обращает на меня внимания!»

Элисон обнажила аккуратный ряд белых и ровных зубов, разве что, может, верхние клыки были слегка длинноватыми. Она тоже хотела внести свой вклад. В самый разгар громкого смеха и кривляний она выхватила дневник из рук Шарлин, открыла первую попавшуюся страницу и стала читать:

«Сегодня в школе нам показали фильм про аборт. Никогда и не думала, какая это страшная вещь. И тут не знаю, что со мной произошло. Почувствовала, как к лицу подступил сильный жар, и мне стало плохо. Мисс Кутайар вынуждена была меня вывести. Мне было так стыдно!»

Потом Элисон захлопнула дневник и принялась паясничать:

– Молодец, какая бесстрашная наша ботанка! Да она ещё у нас станет гинекологом!

И, изгаляясь пуще прежнего, Элисон и Шарлин стали перекидывать друг другу дневник и ухохатываться над ней как над дурочкой, прыгающей между ними и пытающейся его

отобрать, а они тем временем напевали: «Ботанка-Ботанкаа», под музыку Барни. И если бы её мать не поднялась наверх посмотреть, что там за крики, они бы точно ей никогда не отдали дневник.

В тот день, прижав к груди этот дневник, она побежала на крышу, спряталась под стеной лестничного колодца и с зарёванными глазами стала вырывать из него листы. Потом порвала каждый лист на мелкие кусочки, бросила всё в мусорный мешок и спустилась выбросить его в бак на углу. Сама во всём виновата. Ей никогда не следовало заводить дневник, зная, что с Шарлин и Элисон у неё не может быть никакой личной жизни. Не дай бог, нашли бы страницы о Джастине Тимберлейке. Все знали, как она им была увлечена, но никто и не подозревал, что она писала ему стихи, разговаривала с ним и клялась, что даже через сто лет она точно никого, кроме него, любить не будет.

Продолжая гладить Скотча, она вспомнила, что даже эта бедная собака стала их жертвой, как и она. Его ей подарил дедушка на день рождения. Это был самый лучший подарок, который она когда-либо получала. Но вскоре поняла, что лучше бы он ничего ей не дарил. Этот маленький пёс идеально подходил для шантажа. Им было достаточно схватить его за шкурку и поднять вверх, чтобы заставить её выполнять всё, что они пожелают. Этот собачонок, как и она «ботаник», смотрел на неё, закатив глаз, и умолял, чтобы она поторопилась выполнить их просьбы, и его бы опустили с

этой высоты. И Катя начинает чистить им обувь, идёт в аптеку за лосьоном, несёт их грязную одежду в прачечную комнату и угождает им по каждому пустяку. И, выполняя все эти поручения, она кусала губы и в сердцах повторяла: «Да, Ботанка... Они правы!» Но сейчас ей предоставлялась исключительная возможность. Сейчас она могла себе доказать, что не была такой уж Ботанкой, что она смогла набраться сил и сделать такие вещи, о которых Элисон и Шарлин, со всей их заносчивостью, даже и не мечтали. Ей больше не станет дурно, как в тот день во время показа фильма. Глен умел всё организовать наилучшим образом. Их никто не поймает.

Сандра Вэлла завела машину, опустила ручной тормоз и отъехала от своей квартиры в Сан Джильяне, направляясь к тётё Джесси. Вот уже несколько лет каждую неделю она встречалась с тётёй в воскресенье утром. И тётя Джесси с нетерпением её ожидала. Хотя в последнее время она и стала многое забывать и путаться, об этой встрече тётя помнила всегда. Она считала один за другим дни, пока не наступало воскресенье. Об этом Сандра хорошо знала и сама тоже ожидала этой прогулки. В её жизни почти никого не осталось, кроме тёти Джесси.

– Смотри, я тебе уже приготовила кофе и имбирное печенье, – сказала тётя, как только Сандра села за стол.

– Спасибо, тёть! Ты всегда помнишь, что имбирное печенье – моё самое любимое!

– И Келинутоже, – сказала тётя, протягивая руку к тарелке, взяла одно печенье и отломил от него маленький кусочек. Как только волнистый попугайчик увидел её, приближающуюся к его клетке, стал расправлять крылья и щебетать. – Слышала, что он говорит? – тётя повернулась к Сандре. – Говорит мне: «Дай ему! Дай ему!» Знаешь, какой у него стал язык! Ему всего один раз достаточно сказать слово.

Со слов тети, этот маленький зелёный волнистый попугайчик умел говорить похлеще трёхлетнего ребёнка. Но

Сандра никогда не могла разобрать ни одного слога из его предполагаемого словаря. Всё, что она понимала, было «вик-вик». И, чтобы перевести разговор (так как хорошо знала, что если тётя начнет говорить о способностях Келину, а то не остановится), Сандра спросила:

– Таблетки приняла?

– Конечно! Как только пришла из церкви!

Сандра встала из-за стола и открыла ящик серванта. Оттуда достала две пластиковые коробочки. Тётя не ошиблась. Она приняла утренние «Буринекс» и «Слоу К». Осталось всего две: в полдень и вечером. Затем Сандра вынула два пузырька с таблетками из своей сумки, из одного достала семь таблеток и положила их в продолговатую коробочку, по одной в каждую ячейку: понедельник, вторник, среда, четверг... Из другого извлекла двадцать одну таблетку и положила по три в каждую ячейку. Таким образом она старалась удостовериться, что тётя принимает одну «Буринекс» и одну «Слоу К» каждый день. Эта система идеально работала... до настоящего времени!

– Знаешь, что вчера со мной приключилось? – начала говорить тётя. – Не могла найти ключ от входной двери. Я его всегда держу в кошельке, с деньгами и ID-картой. Слава богу, что мне пришло в голову это проверить до выхода. Я даже вытряхнула весь кошелёк на стол, чтобы удостовериться. Его там не было. Поначалу я чуть рассудка не лишилась. Знаешь, даже Келину заметил, что я была разволновалась, стал пры-

гать и кричать: «Мамма Джесси! Мамма Джесси!» Но потом я вспомнила о Ричи. Прочитала ему молитву за упокой и попросила, чтобы он поскорее его нашёл. И надо же, в это невозможно не поверить. Вдруг как будто бы мне кто-то подсказал: «Уже забыла, что вечером чистила кошелёк от крошек. Проверь на прикроватной тумбочке!» Пресвятая Богородица, он был там. Имей в виду, я истину тебе говорю, молись дяде Ричи, и этот святой даст всё, что хочешь.

Если Сандра Вэлла встречалась с тётёй регулярно каждую неделю, то у тёти также происходила встреча с мужем... каждый день! Ровно в три часа дня она плелась на кладбище с маленькой сумкой в руке. Зажигала ему свечку, клала два цветка и читала молитву за упокой души. А потом, если кладбище было пустым, каковым оно обычно бывало в эти часы, она с ним немного разговаривала. Рассказывала, что приготовила в тот день, что нового выучил Келину, говорила, что Сандра передавала ему привет, и, когда ей больше нечего было сказать, напоминала, чтобы он её оберегал на протяжении наступающей ночи. Потом вытирала крохотную слезинку и возвращалась домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.